

бодного настолько, что он будет иметь возможность в современном государстве преобразовывать новые виды субъективности и телесности.

Кроме того, значимость, единство и взаимовлияние взглядов Ж. Делеза и М. Фуко можно наблюдать и непосредственно в их произведениях. Так, Делез в своей работе «Фуко» характеризует его как принципиально нового мыслителя, исследования которого представляют собой решающий шаг в еще не исследованной теоретико-практической области. В свою очередь, М. Фуко отмечает, что работы Делеза и Гваттари оказали значительное влияние на его теорию власти, и свои «положительные оценки» излагает во введении к «Анти-Эдипу». А также в работе «Theatrum Philosophicum» [7] Фуко отмечает делезовский вклад в критику западных философских категорий и его обширные знания исторических событий, и, кроме того, замечает, что когда-то XX век будет известен как век Делеза. С нашей точки зрения, в работе «Интеллектуалы и власть» [6] взгляды Фуко и Делеза вообще взаимопересекаются и создают единое целое в построении общего теоретического проекта. Кроме того, определенные точки пересечения мы можем обнаружить и при рассмотрении делезовской и фукольдиданской философии с точки зрения гендерной проблематики. Это становится возможным благодаря рассмотрению бинарных оппозиций. Жиль Делез отрицает наличие бинарных оппозиций в традиционном обществе между мужчинами и женщинами, позволяя идее идентичности и индивидуальности «распространиться» на идею «желания», таким образом, делая определенный вклад в развитие феминизма. В этом плане Фуко, даже несмотря на то, что приходится признать противоположную ему мысль об идентичности, все же признает эту идею.

Библиографические ссылки

1. Грицанов А. А. Жиль Делез / А. А. Грицанов. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 320 с.
2. Делез Ж. Логика смысла // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum philosophicum. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
3. Делез Ж. Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодернизма. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 6–32.
4. Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – М.: Изд-во «Гуманитарная литература», 1998. – 171 с.
5. О कोरोков В. Б. Метафизика эпохи трансцендентального мышления: специфика, сущность и тенденции развития): монография / В. Б. О कोरोков. – Д.: Изд-во Днепрпетр. ун-та, 2000. – Режим доступа: <http://amkob113.narod.ru/okvit/okv-96.html>.
6. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
7. Фуко М. Theatrum philosophicum // Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. Theatrum philosophicum. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 441–473.
8. Jean-Marc Besse. 'Le postmodernisme et la géographie: éléments pour un débat' in L'Espace Géographique, 1, pp. 1–5, 2004.
9. François Cusset. French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States, Jeff Fort (tr.), University of Minnesota Press, 2008. – 388 p.

Надійшла до редколегії 07.12.2009

УДК 165.741

И. С. Криворучко

Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепропетровск)

«НАУЧНАЯ» МЕТАФИЗИКА Ч. С. ПИРСА

Вчення найвизначнішого представника філософії прагматизму Ч. С. Пірса розглянуто у його метафізичному, насамперед, онтологічному аспекті.

Ключові слова: метафізика, наука, людина, прагматизм.

Учение виднейшего представителя философии прагматизма Ч. С. Пирса рассмотрено в его метафизическом, главным образом, онтологическом аспекте.

Ключевые слова: метафизика, наука, человек, прагматизм.

Teaching by Ch. S. Peirce, most representative philosopher of pragmatism is seen in its metaphysical, mainly ontological aspect.

Key words: metaphysics, a science, the person, a pragmatism.

Актуальность темы. Если считать неотъемлемой чертой метафизики стремление объяснить мир в системе завершеного и полного знания, то сразу становится очевидной проблемность статуса метафизики в современном мышлении. Во все времена, не исключая и нынешние, бытовало весьма распространенное мнение о «ненаучности» метафизики. С другой стороны, метафизика сформировалась именно как наука, и, несмотря на довольно сложные и глубокие метаморфозы, которые она претерпевала в течение многих веков своей истории, никогда не отказывалась от претензий считаться наукой. Хорошо известно, что создатель метафизики, Аристотель, мыслил ее либо как «науку о божестве», либо как учение об основных и первых причинах всей действительности; долгое время она вообще считалась «наукой наук». Все науки более необходимы, нежели она, но лучше нет ни одной, – афористично изрекал Аристотель. Также известно, что, согласно Стагириту, метафизика есть первая мудрость или «первая философия», предметом которой является «сущее вообще», «сущее как таковое». В таком понимании метафизика предстает учением о бытии в самом широком смысле, бытии, которое охватывает любое существование и выражает собой полноту всей действительности. Изучение наиболее общей сущности – прерогатива онтологии, и «первая философия» Аристотеля, по сути, есть онтология. Метафизика, по Аристотелю, не является специальной наукой, ибо она, как область знания, качественно отличается от всех других наук наибольшей общностью и глубиной. В средние века понятие метафизики претерпело трансформацию от научной философии в сторону спекулятивного учения. Такая трансформация была обусловлена, главным образом, тем, что в средние века метафизику понимали как учение о принципиально наблюдаемом бытии, из-за чего она не является наукой, научным познанием. Это значит, что метафизика потеряла любое познавательное значение и, следовательно, из области знания перешла в область веры. Имея в виду трансформированную метафизику, Кант доказал, что она не является наукой. Наука, утверждал он, состоит из ап-

риорно-синтетических суждений, а метафизика, как спекулятивное учение, изолированное от специальных наук, состоит лишь из априорно-аналитических суждений и поэтому не расширяет наше знание о мире. Следовательно, метафизика, как учение о принципиально наблюдаемом бытии, не является наукой.

Так или иначе, метафизика – это всегда проблема: ее либо критикуют, либо выражают скепсис по поводу ее существования и необходимости. Вся критика метафизики в XIX в. может быть сведена к трем аспектам, имевшим, как позднее стало видно, вполне определенные онтолого-метафизические основания (которые, заметим, могли и противостоят друг другу). Во-первых, это интерес к конкретным, позитивным наукам, во-вторых, внимание к социальной проблеме (подобные представления развивал тогдашний позитивизм). В-третьих, горизонтом философского рассмотрения выступал человек как существо, не поддающееся целостному описанию посредством позитивно-рассудочного дискурса. Но все же даже самые прямые критические выпады в адрес метафизики в рамках того или иного философского направления зачастую оказывались лишь симптомом ее присутствия в данном направлении или даже спутниками ее развития. Не составляет в данном плане исключения и философия прагматизма, и, в частности, учение одного из виднейших ее представителей – Чарльза Сандерса Пирса.

Состояние исследования темы. Философия Ч. С. Пирса практически не представлена в современных отечественных исследованиях в ее метафизическом плане. Российские авторы также не склонны рассматривать ее в данном аспекте. Знаменательным в этой связи выглядит замечание Т. Дмитриева о том, что даже в последнем, достаточно репрезентативном переводном (на русский язык) двухтомном издании сочинений Пирса отсутствуют тексты, в которых были бы представлены его метафизические взгляды. Автор считает, что переводчики, составляя сборник и отбирая в него статьи, пошли по пути тех интерпретаторов Пирса, которые предпочитают видеть в нем философа эмпирического склада, а потому уделяют основное внимание его логике, семиотике, философии науки и феноменологии, оставляя без внимания ту часть интеллектуального наследия Пирса, которая была связана с его попытками создать спекулятивную метафизику объективно-идеалистического типа на основе принципа космической эволюционной любви («агапизма») (см. [1]). Такое положение дел в еще большей степени подчеркивает *актуальность* представляемой в настоящей статье исследовательской темы.

Основная часть. Известно, что идеалы религии оказывали весьма сильное воздействие на мировоззрение Пирса, что приводило к конфликту между религиозными ценностями и идеалами свободного исследования природы, направленного на овладение ею, конфликту, в котором он не мог уверенно отдать предпочтение ни одной из сторон и пытался их примирить.

Отталкивался Пирс, однако, не от понятия Бога, или Абсолюта, а от понятия опыта, что ясно показывает, в какую сторону начали смещаться акценты в западной философии конца XIX в.: опыт – это всегда опыт человека, именно человек является его субъектом, и хотя дано ему может быть очень многое, в том числе и непосредственное видение Абсолюта (при ярких религиозных переживаниях или в других обстоятельствах наличия глубокого метафизического

опыта), центром при этом все равно остается человек, а Бог, или Абсолют, в этом случае оказывается приравнен по своему онтологическому статусу ко всем остальным объектам опыта – реальным предметам, плодам воображения или даже галлюцинациям. Таким образом, именно человек становится у Пирса онтологическим центром мироздания, а антропология и теория познания в его философии образуют концептуальное ядро, служащее базисом и источником методологии решения всех остальных философских проблем.

Подобно многим другим ученым конца XIX в., Пирс внутренне глубоко переживал ситуацию религиозных распрей, последовавших за публикацией трудов Дарвина. Не приемля догматической теологии и в то же время полагая, что наука не обязательно должна быть связана с атеизмом, Пирс попытался создать философскую систему, в которой бы учитывались методы и результаты науки и которая в то же время была бы совместима с христианством.

Опыт естествоиспытателя, постоянно убеждающий в бесплодности спекулятивного философствования, доказательность позитивистской критики традиционных метафизических построений, прагматистское стремление судить о вещах и идеях «по плодам их» побуждают Пирса критически отнестись к спекулятивной философии. «...Метафизика как предмет гораздо более забавна, чем полезна, и знание ее, подобно знанию подводных камней, служит, главным образом, для того, чтобы избегать ее», – пишет он [2, р. 270]. Тем не менее основоположник прагматизма приступает к построению собственной метафизической доктрины. Чтобы достичь этой цели, он считал необходимым вначале превратить метафизику в строгую науку, а затем доказать, что сама наука предполагает метафизическое учение, которое не является несовместимым с религией.

Пирс прекрасно видел противоречивость своей позиции. Прагматизм – это «почти позитивизм». Но от других видов позитивизма его отличает: «во-первых, сохранение очищенной философии; во-вторых, полное принятие основного ядра наших инстинктивных убеждений; и, в третьих, упорное отстаивание истины схоластического реализма... Итак, вместо того чтобы просто глумиться над метафизикой,.. прагматист извлекает из нее драгоценную суть, которая послужит тому, чтобы дать жизнь и свет космологии и физике» [2, р. 282]. Поэтому для того чтобы создать новую метафизику, Пирс решает, что ее нужно поставить на почву науки, применить к ней «универсальные методы» науки, т. е. новую логику. И для решения этой задачи Пирс обращается к учению И. Канта (в частности, к «Критике чистого разума», которую Пирс, по его собственным словам, знал слово в слово); особенный интерес мыслителя вызвали два главных момента. Во-первых, Пирса – как специалиста по логике – привлекало то, что Кант разработал свой вариант «точного» метафизического учения, отправляясь от интерпретации формальной логики. Во-вторых, Пирса, не приемлющего априоризм Канта, вдохновляло кантовское учение о категориях. Над его существенным обновлением Пирс трудился, начиная с работы «О новой таблице категорий» (1867). Как и Кант, Пирс опирался при этом на размышления о суждениях. Но, в отличие от Канта, не классификация суждений служила ему основанием, а анализ типа отношений между субъектом и предикатом суждения.

Первая таблица категорий, предложенная Пирсом, включала пять категорий: это были субстанция, качество, отношение, репрезентация и бытие. В дальнейшем (1894 г.) учение Пирса о категориях было трансформировано: как в связи с эволюцией его специальных логических идей, так и под влиянием проделанного философом пути «от Канта к Гегелю». На втором этапе Пирс выделяет три категории, точнее, три категориальных блока: первая категория («первичность») выражающая качество, а в формальном отношении представляющая из себя монаду; вторая категория («вторичность»), или существование, или диада; третья категория («третичность», иначе – «троичность»), или закон, или триада. Таким образом, Пирс признавал главным своим результатом в метафизике сведение категорий к трем основным, и если коротко раскрыть их суть, то выходит следующее. Первичность – понятие бытия или существования, не зависящего ни от чего другого. Firstness – чистое присутствие феномена, универсум в первое утро рождения. Свежий, полный жизни, спонтанности – таким его увидел Адам. Природа, свободная от концептуальных схем, – царство чувства. Вторичность – грубый факт. Существование – это присутствие в универсуме опыта. Вторичность – это понятие, выражающее «отношение к», реальность, которая всегда в оппозиции к другому. Например, сказать, что стол существует, значит сказать, что он твердый, тяжелый, испытывает земное тяготение, имеет инерционную силу, устойчив к давлению, может нагреваться и т. д. Факт предвосхищает, имея свое здесь и сейчас. Понять факт можно лишь в его завоеваниях реальности в борьбе против другой реальности. Таким образом, secondness – это понятие отношения. Если первичность говорит о возможном присутствии факта, вторичность – о грубом его присутствии, то третичность (thirdness) относится к интеллигибельному аспекту реальности. Это царство закона, поднимающегося над любым множеством, где, впрочем, нет ничего монолитного и застывшего. Привычку к сокращению привычек в непрерывном развитии демонстрирует этот аспект реальности.

Наконец мы подошли к разделу научной метафизики – космологии Пирса. У универсума есть свобода выбора приобретать законы. В бесконечно отдаленном прошлом можно найти момент отсутствия какого бы то ни было закона. В каком-то бесконечно далеком будущем можно предположить момент тотального господства закона, где случаю не останется больше места. Но каким бы ни было прошлое, тенденция к единообразию останется. И каким бы ни виделось будущее, останется место хотя бы для незначительных отклонений от закона. Так Пирс приходит к тезису, что «все стремится обрести привычное устройство», несмотря на сюрпризы, приподносимые природой. В этом и состоит понятие «тихизма» (от греч. *tuche* – случай, фортуна). Рядом другое – «синехизм» (от греч. *syneches* – непрерывный, постоянный), понимаемый Пирсом как принцип непрерывности, структурирующий универсум, ибо и материя, и душа (греч. *psyche*) обнаруживают тенденцию к обобщению, повторению, обретению привычек, или, лучше сказать, законов-привычек. Тесно связано с предыдущими понятием «агапизма» (от греч. *agape* – любовь), т. е. доктрина эволюции любви. Вселенная эволюционирует, вещи, надстраиваясь одна над другой, растут. Вопреки материализму, следует, полагает Пирс, признать наличие некоторой универсальной силы. И эту силу он называет агапе, или любовь.

Заключення. Перестраивая метафизику, Пирс в первую очередь попытался избавиться от догматизма и путаницы, которые, увы, были ей зачастую присущи. Придерживаясь принципа, согласно которому научный метод есть единственный подлинный метод получения знания, Пирс определил «реальность» как то, что было бы открыто бесконечным процессом научного исследования. Эта дефиниция привела к формулировке «принципа фаллибилизма» (погрешимости): приближение к истине возможно только через непрерывное исправление ошибок, улучшение результатов, выдвижение все более совершенных гипотез; в любой данный момент времени наше знание о реальности носит частичный и предположительный характер, оно есть точка в континууме недостоверности и неопределенности.

Чтобы метафизика могла войти в царство знания, или реальности, Пирсу нужен был критерий для различения вопросов, которые разрешимы с помощью научного метода, и тех вопросов, которые с его помощью не могут быть решены. Этот критерий он сформулировал в 1878 г. в знаменитом принципе прагматизма: следует составить представление о том, какие последствия, способные обладать практической значимостью, будет иметь рассматриваемый нами объект. Это представление и станет нашим видением данного объекта. В другой формулировке: чтобы установить значение представления, мы должны обдумать, какие практические последствия по необходимости произойдут, если это представление окажется истинным; сумма этих последствий составит полное значение данного представления. На современном языке принцип прагматизма можно выразить следующим образом: смысл суждения заключается в его логических (или физических) последствиях.

Библиографические ссылки

1. **Дмитриев Т. Ч.** С. Пирс. Начала прагматизма и другие работы / Т. Дмитриев // Логос. – 2000. – №№ 5/6 (26). – С. 156–165.
2. **Peirce Ch. S.** Collected Papers. Vol. 1–6. Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weis. – Cambridge, 1931–1935. – Vol. 5.

Надійшла до редколегії 25.12.09

УДК 165.64

А. В. Кулик

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФИЛОСОФСКИЙ ФИАЛ КАК ЖАНР (ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОЕКТА Ф. БЭКОНА)

Досліджено пропозицію Ф. Бекона трактувати магію в якості практичної філософії. Роблячи спробу реконструювати даний концепт, автор статті ініціює специфічну форму філософської творчості – філософський фіал.

Ключові слова: магія, практична філософія, антропологія, теорія.

© Кулик А. В., 2010